

ЛУННЫЙ ВОИН

ГРОМОВАЯ ЖЕМЧУЖИНА

АННА ГУРОВА

ЛУННЫЙ ВОИН

ТОМ 2

ГРОМОВАЯ
ЖЕМЧУЖИНА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

Иллюстрации — *Ярослава Богородская*

Гурова, Анна Евгеньевна.

Г95 Громовая жемчужина / Анна Гурова. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-184162-1

Бывший ученик чародея Ким освободился от власти учителя и достиг своей цели — добрался до монастыря Каменной Иголки. Но темные призраки из детства не оставляют его в покое и там. Преследуемый по пятам демоном-волком, Ким находит спасение в тайном лагере хваранов, где юношей учат боевой магии. Пройдя множество испытаний, с новыми друзьями Ким возвращается в столицу. Ему кажется, что он добился успеха, о котором и не мечтал. Но он не догадывается, что ничто не случайно и что он ключевая фигура в большой игре забытых богов, цель которой — уничтожение империи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184162-1

© Гурова А.Е., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

На далеких вершинах гор Комасон колдовским светом мерцают ледники. Деревья на склонах белы от инея. Прозрачен морозный воздух. Нетронутый снег искрится, рассеченный резкими синими тенями. В такие вечера в деревнях плотнее закрывают зимние деревянные ставни, разводят яркий огонь в очаге, садятся к нему поближе всей семьей и так сидят допоздна, рассказывая страшные сказки о зимней нечисти.

Но только не здесь, в Сасоримуре, где страшные сказки стали явью. В домах свет не горит, не протоптаны дорожки в глубоких сугробах. Осенние ветра давно разорвали летние бумажные ширмы, многие крыши провалились, снег лежит в домах, очаги остыли навсегда. Люди покинули деревню много лет назад, в тот проклятый день в начале осени, когда из Скорпионьей долины вернулся мертвый Кагеру, лесной чародей-мокквисин, сопровождаемый демоном в облике черного горного волка. Кто помог им восстать из пепла, обитателям Сасоримуры было неизвестно. Они просто сбежали в ужасе, оставив незапертые дома и необрунный урожай. А мертвец прошел в дом старосты — да там и обосновался.

В тот зимний вечер в глубине заброшенного дома старости было, как всегда, промозгло и неуютно. Пахло старым костром, стены заиндевели, из углов веяло могильным холодом. Ветер, однако, внутрь не проникал, и тлеющие в очаге угли давали кое-какое тепло. Полумрак едва освещал масляный светильник. Мокквисин Кагеру, накинув на плечи старое ватное одеяло, сидел у очага за низким столиком, обложившись свитками и разрезными книгами, и читал древнюю рукопись, делая пометки и выписки. Сожженные пальцы уже неплохо слушались, но все еще болели. Колдун то и дело кривился, но ни на мгновение не прекращал свою работу.

Неожиданно, не закончив фразы, он отложил кисточку, поднял голову и прислушался.

— К нам, похоже, гости, — сказал он вслух, обращаясь в темноту.

В сумраке бесшумно шевельнулась огромная тень.

— Не трудись, Тошнотник, — раздался голос на крыльце. — Не нужно меня встречать. Я сама найду дорогу.

В дом вошла юная девушка. Мотнула головой, стряхивая снег. Снежинки ледяными искрами блестели в ее черных волосах. На девушке была бедная крестьянская одежда: широкие холщовые штаны, просторная рубаха, полинялый ватник. Она была босиком, но непохоже, чтобы ее беспокоил холод. Несколько мгновений она стояла в дверях, глядя в упор на Кагеру золотистыми тигриными глазами.

— Так это правда, — прошипела она. — Ты не умер!

— Здравствуй, Мисук, — сказал Кагеру. — Рад тебя видеть. Я знал, что ты когда-нибудь вернешься. Проходи, погрейся у очага.

— Ха! Неужели ты думаешь, что я вот так подойду к тебе, мокквисин?

Оба они оставались неподвижными.

— Но ты уже пришла в мою деревню.

— Я могу уйти в любой момент. Попробуй-ка поймай меня!

— А ты уверена, что никто не стоит сейчас у тебя за спиной?

Мисук не оглянулась, как втайне ожидал Кагеру. Она вообще не шевельнулась, только засмеялась.

— Да наверняка там уже кто-то стоит, — сказала она. — Небось Тошнотник подбирается или какой иной бес. И что мне до того?

Очертания Мисук вдруг задрожали, поплыли, словно отражение в капле воды, лицо погрузилось в синеватую тень. Кагеру поморщился, прикрыл глаза ладонью, как от резкого света.

— Понял? Захочу — появлюсь. Захочу — исчезну!

— А, вот оно что... Стало быть, ты теперь фея.

Мисук довольно улыбнулась, снова обретая четкую форму, сизая тень отступила.

— Мой отец, горный дух с Каменной Иголки, научил меня умениям, что людям недоступны. Он хороший учитель. В отличие от тебя.

Кагеру не обратил внимания на мелкий укол.

— Итак, ты выбрала судьбу феи, — повторил он. — Помнится, у твоей матери были на твой счет совсем другие планы...

Мисук скорчила рожу:

— Ничего я не выбирала! Это все вы, ты и мамаша. Да, она почему-то хотела, чтобы я осталась человеком, как и она. Я никогда не понимала зачем! Что в этом хорошего? Пусть мать умна, хитра и ловко наводит мороки, но все равно останется безобразной старухой. Старость, болезнь, смерть, рабство — вот удел человеческой женщины!

— Не только, — заметил Кагеру. — Если бы не твое неле-

пое упрямство, я бы показал тебе, чем еще отличается судьба женщины от судьбы феи.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, думая об одном и том же.

— Проходи, Мисук, не топчись в дверях, — вкрадчиво повторил Кагеру. — Ты же сама наверняка знаешь, что я сейчас слишком слаб, чтобы удержать тебя здесь силой. Иначе ни за что бы сюда не явилась, будь ты хоть сто раз фея.

Девушка пожала плечами, прошла к очагу, скинула на пол ватник.

— Ну и грязь тут, — проворчала она, устраиваясь на плетеной циновке. — Сажа какая-то везде... Фу...

— Истинное удовольствие смотреть на тебя, Мисук, — сказал Кагеру, не сводя с нее глаз. — Какую бы рвань ты на себя ни напялила, всегда грациозна... как кошка.

Мисук фыркнула:

— Именно так ты меня и одевал, когда я ходила у тебя в учениках... И все-таки, почему ты жив? — с жестоким любопытством спросила она, садясь на пятки. — Как это случилось? Я же своими глазами видела, как тебя сожгли! Или это морок?

— Проверь, — предложил Кагеру.

Новая кожа, темная и шероховатая, туго обтягивала кости его черепа, черты лица восстановились еще не до конца, придавая колдуну пугающее сходство с засушенным трупом. Впрочем, Мисук было сложно смутить такими вещами. Поколебавшись, она придвинулась ближе и осторожно коснулась щеки колдуна.

— Чудеса, — пробормотала она, проводя пальцами по сожженной коже. — Плоть выросла заново! Ты не должен был выжить. Кто вернул тебя к жизни?

Вместо ответа Кагеру расстегнул косой ворот рубашки.

— Смотри, — сказал он. — Видишь шрам под ключицей? Огненный демон, освободившись благодаря маленькому ублюдку Мотыльку, сначала переломал мне все кости, потом взял железную кочергу и проткнул меня насквозь. Пришпилил к опорному столбу, как стрекозу! Я был тогда еще жив. А потом дом сгорел — до углей, и я вместе с ним.

— И что было дальше? — деловито спросила Мисук.

— Я проторчал там несколько лет. Достаточно, чтобы пепелище превратилось в зеленый холм, а мой труп — в кучку почерневших костей. Затем демон вернулся...

— ...и вернул тебе жизнь. Вернее, дал займы. В счет будущих услуг. Так?

— Хм... Хотя ты и новоиспеченная фея, но в мотивах своих сородичей-демонов, вижу, разбираешься неплохо. Конечно, в свое время огненный демон потребует плату. Но, надеюсь, это произойдет нескоро. Пока я немощен и слаб, с меня взять нечего...

— Помнится, там был еще второй... Которого выловили из ручья. Доходяга Сахемоти. Что с ним?

— Понятия не имею.

На самом деле все было далеко не так просто. Кагеру не забыл, что именно второму богу пошла в жертву — или в пищу? — его первая жизнь. Но говорить об этом Мисук он не собирался.

Мисук покосилась на свитки и футляры с книгами.

— Интересуешься, чем я тут занят?

Кагеру протянул ей первую попавшуюся рукопись. Мисук прочитала начало — и захихикала.

— «Повесть о двух влюбленных соснах!» Развлекаешься сказками?

— Это театральные пьесы, — серьезно ответил моквисин. — Ты, наверное, и не знаешь, что в старину на

островах Кирим существовал древнейший ритуальный театр?

Мисук небрежно бросила рукопись на кучу свитков.

— Мне до театра дела нет. Хватит пустой болтовни, колдун. У меня к тебе пара вопросов.

— Я давно жду, когда ты наконец перейдешь к делу.

Девушка обняла руками колени.

— Скажи, не знаком ли ты с неким... даже и не знаю наверняка, человеком, бесом или призраком... Выглядит он как уроженец Кирима, синеглазый, одевается в черное. На лбу клеймо императорской тюрьмы...

— Нет, не знаком, — после долгой паузы ответил Кагеру. — Вот удивительный вопрос, не ожидал! Клейменный призрак, надо же... А чего он натворил, этот «бес или человек»?

— Он преследует Мотылька, — взглянув ему в глаза, сказала Мисук.

Как ни владел собой Кагеру, а все же при звуке имени Мотылька его перекосило от ненависти.

— Преследует? С какой целью?

— Хотела бы я знать! То ли он пытается втравить его в неприятности, то ли, наоборот, защитить. А может, у него свои цели, с благом или горем Кима никак не связанные. Я, по правде сказать, собиралась спросить тебя. Я сильно подозревала, что этот призрак — один из твоих слуг. Но теперь что-то засомневалась...

— Нет, это не мой слуга. И я не посылал его убить Мотылька по одной простой причине: я собираюсь прикончить его собственноручно.

— Речь вовсе не идет об убийстве, — сказала Мисук, внимательно наблюдая за своим бывшим учителем. — Этот клейменный призрак... ты не поверишь, о чем он просил на-

шего малыша Мотылька. Первый раз он явился и потребовал, чтобы Мотылек прикончил некоего Рея Люпина.

— Рей Люпин? — повторил Кагеру. — Смутно припоминаю. Купеческий сын, приятель Мотылька. О нем упоминал тот гадалщик, как там его звали...

— Кушиура, которого ты убил, — насмешливо подсказала Мисук, — перед этим выведав последние вести о Киме — с какой целью, очевидно. Да, я многое о тебе знаю, сихан! Не так уж ты слаб, как прикидываешься. Даже волчий демон по-прежнему тебе служит. Я учуяла его запах той ночью, когда погиб гадалец... Предупреждаю, — глаза девушки сузились, — даже не старайся навредить Мотыльку!

— Конечно, с таким защитником, как ты, не сравнятся все монахи Каменной Иголки. Парню будет за чьей спиной укрыться, когда у монахов лопнет терпение и они выставят его за ворота, — презрительно ответил Кагеру. — Не пойму, зачем ты возишься с этим несчастным Мотыльком?

Мисук торжествующе улыбнулась и нанесла последний удар:

— Я намереваюсь выйти за него замуж.

Кагеру, утратив самообладание, треснул ладонью по низкому столику. Глиняный светильник подпрыгнул, едва не опрокинувшись. Свитки и разрезные книги посыпались во все стороны.

— Зачем тебе Мотылек?! — рявкнул мокквисин. — Он просто мальчишка и ничего больше! Если бы я воспитал его, из него, возможно, могло бы получиться что-то путное. А Вольгван Енгон испортил его окончательно. Клянусь, такому ничтожеству даже мстить — себя не уважать!

— Да, ты бы мог его выучить, — перебила его Мисук, — только ведь ты предпочел сделать из него корм для демона! Ты бы и меня мог выучить, если бы преодолел свою гнусную натуру. Для тебя любить — значит подчинить, сломить

волю, и никак иначе. А у Мотылька есть то, чего у тебя со всеми твоими умениями отродясь не бывало, — простая человеческая жалость!

Голос Мисук оборвался. Довольно долго колдун и его бывшая ученица сидели молча. Наконец Кагеру сказал мрачно:

— Теперь у меня появилась еще одна причина его убить.

— Ха! Опоздал. Кима тебе не найти. Он спрятан так, что его не найдут даже боги. И вовсе даже не в монастыре, а совсем в другом месте. К счастью, у него хватает сильных заступников.

— Если все они подобны тебе, — насмешливо сказал мокквисин, — то Мотылек расстанется со своей мотылиной жизнью еще до конца этого года. И я позабочусь, чтобы это расставание было нелегким.

Мисук вдруг придвинулась так близко к Кагеру, что он ощутил ее дыхание на своем лице.

— Как же! Ты превратился в ничто, сихан, — промурлыкала она, заглядывая ему прямо в глаза. — Вся твоя власть вот она — пепел и сажа! Сидишь тут, как паук, и строишь козни, а сам не можешь повелевать даже собственным телом. Ты уже не тот учитель, что раньше, ты превратился в старую сморщенную ящерицу. Куда тебе до Кима! Знаю, ты желал бы задержать меня тут — так попробуй! Смотри, я совсем рядом!

В тот самый миг, когда руки колдуна были готовы схватить ее, она исчезла. И снова появилась из пустоты — на этот раз у дверей.

— Кстати, — словно бы вспомнила Мисук. — Тот синеглазый призрак явился Киму еще раз. И знаешь, о чем попросил? Передать мне, что он меня любит!

— И он тоже? — глумливо захохотал мокквисин.

— Правда, забавно? И что даже смерть его не остановит. Но чья смерть, не уточнил. Вот тебе загадка — подумай над ней на досуге...

Мисук музыкально засмеялась, шагнула за порог — и пропала во тьме зимней ночи. Кагеру остался сидеть у столика посреди вороха свитков.

В тени возле двери, словно отсвет жаровни, блеснули две красные точки, затем из темноты появилась морда черного волка. Демон посмотрел вслед девушке и издал негромкий рык.

— Нет, Тошнотник, сегодня нам ее не догнать, — тихо сказал Кагеру. — Но ты не беспокойся. Она от нас не уйдет...

Он провел рукой по лицу, словно прогоняя сон, и принялся собирать рассыпанные свитки.

Мисук не обратила на них внимания, и зря. Сказки, легенды, пьесы... Никто не воспринимает их всерьез. А между тем именно они — самое надежное хранилище запретной памяти.

По крупницам Кагеру восстановил образы почти всех древнекиримских богов. Боги грома, огня, моря и луны, солнца и сева... Конечно, без имен — память о них была стерта имперскими чарами. Но нигде не было упоминания о том единственном боге, имя которого Кагеру знал...

Сахемоти. 400 лет назад

...Страшнее той бури не помнили на островах Кирим. Ветер с моря дул несколько дней, потом превратившись в ураган. Вместе с ним пришел ливень, да такой сильный: казалось, что море встало на дыбы и набросилось на побережье. Океан превратился в адский котел, в царство смерти. И как будто этого было мало, началась гроза — поздней-то осенью. Низкое серое небо почернело, в тучах вспыхивали

сплохи, словно хищные глаза демонов. Глухой громовой раскат — и по дымным облакам к горизонту покатила огненная волна...

Святылище на горе Омаэ стояло у самого моря, ступени его парадной лестницы спускались к воде. Не будь оно на вершине холма, волны бы мгновенно разорили его, но и так храму приходилось туго. Крышу давно унесло, разбросало лазурные черепицы до самого Ниэно, внешние галереи рухнули, не выдержав натиска бури, однако до нижних ярусов море и ветер пока не добрались. Грохот волн и завывание ветра сливались в один монотонный рев, каменные стены содрогались от тяжелых ударов ветра. Но ветер ли это? Или это молот царя преисподних разрушает святилище мятежного бога? Пусть бывшего, но непобежденного, и сдаваться он пока не собирался.

На первом ярусе святилища, лишенном окон, буря почти не ощущалась. Ровным пламенем горели светильники. Успокаивающе поблескивали в сумраке полированные колонны из темно-золотистой сосны, смолистые балки под потолком. Пятна красного и синего в глубине алтаря; отблески огоньков на бронзовых гадательных дисках — как будто ничего не изменилось. В темноте под сводом прятались от бури ласточки. Из алтарной ниши, из-за резной решетки внимательными человеческими глазами смотрел белый морской дракон — одна из ипостасей Сахемотино ками, бога, которому поклонялись в святилище Омаэ. В когтистых лапах дракона сиял символ его власти — бахромчатая громовая звезда. Вокруг закрытого алтаря стояли фигурки-мусуби — «одушевленные», младшие боги, почти все уже потерявшие власть и имена.

Рядом с алтарем собрались жрецы. Их осталось всего пятеро из восьмидесяти восьми. Прочие давно сбежали, спасаясь от гнева богов Небесной Иерархии и император-

ских войск. Жрецы сидели, опустив глаза, и каждый пытался казаться спокойным, чтобы подбодрить других. Никто не молился: молиться было поздно. Кирым захвачен.

Официально объявлено: «Никакого государства здесь нет и не было. Вы провинция Империи. Ваш властелин на земле — Великий Неименуемый. На небесах — Господин Семи Звезд».

Осталось только убедить в этом недобитых кирымских богов. Некоторые из них отличались редким упрямством.

Снаружи так грохнуло, словно небо обрушилось на землю. Жрецы вскочили на ноги, решив, что настал их последний час. Но гром прокатился по небу и больше не повторился; кажется, и буря пошла на убыль. Неужели кончено?

И тут в пропитанном благовонием воздухе раздался сухой пронзительный треск. Светильники мигнули, пламя на миг стало синим, храм погрузился в тень. Когда огни снова вспыхнули, в дверях появилась фигура в доспехах, окруженная облаком ядовитого дыма.

Обычный человек, не жрец, не смог бы увидеть того, кто появился в храме. Бог был высотой в два человеческих роста, с ног до головы закованный в пластинчатые латы. Шлем с устрашающими крыльями закрывал пол-лица. Пластинчатые доспехи покрывал белоснежный иней. От фигуры веяло невыносимым холодом, даже не зимним — потусторонним. В руках бог держал пылающее копьё. Листовидный наконечник багровел изнутри, постепенно остывая. Бог разжал руку — копьё упало на пол — и равнодушно посмотрел на ладонь. Кожа на ней сгорела вместе с перчаткой.

Жрецы уже стояли, согнувшись в церемониальном поклоне. Старший из них выступил и начал торжественно:

— Приветствуем тебя, о Сахемоти-но kami, Копьеносец, Хранитель, удостоивший нас посещением...